

Открытым взломом, без ключа,
Навзрыд об ужасах крича,
Мы вскрыть хотим подвал чумной,
Рискуя даже головой.
И трезво, а не сгоряча
Мы рубим прошлое сплеча...

В.С. Высоцкий

Пролог

Про ядерный взрыв заговорили, когда пили пиво. Пивасик, а то и чего покрепче, в пятницу — дело святое. В этот раз было только пиво. Откупорили всего лишь по третьей бутылке, когда Васюта сказал:

— Капон, а ты знал, что у нас в Мончегорске во время войны испытывали атомную бомбу?

Вася Сидоров был по определению балаболом, но Андрия Кожихов от подобной вести все равно чуть пивом не захлебнулся.

— Во время какой войны, чудик? — уставился он на приятеля.

— Великой Отечественной, какой еще-то? В Гражданскую Мончегорска еще не было.

— Хорошо хоть не в Первую мировую. Бомбу когда в СССР испытали, знаешь? В сорок девятом. Даже пиндосы свою только в июле сорок пятого жажнули на полигоне в Нью-Мексико, а уж никак не у нас в Мончетундре*. Ты мне лучше про ядерное оружие туфту не гони, я этим в свое время интересовался, да и в армейке нас на эту тему шпиговали. Плавали, как говорится, знаем.

Здоровенный лохматый «дворянин» Медок, наблюдавший из угла кухни за беседой, подтвердил зычным «гав» слова хозяина. Умный взгляд его светло-коричневых, цвета гречишного меда глаз, из-за которых пес и получил свою кличку, тоже казался одобрительным.

Но Васюта, убедительно расправив плечи и втянув заметно выпирающий животик, не унимался:

* Мончетундра — горный массив в Мурманской области. Здесь и далее прим. автора.

— Знаешь, да не все! Про это, ясен пень, нигде не писали. Это же были секретные испытания! У меня прадед в том проекте каким-то боком участвовал, он потом в лагерях сгинул, но мне дед рассказывал, что от отца слышал — мол, ядерными взрывами в наших сопках хотели руду добывать.

— Твой дед попутал слегонца, — отхлебнув пива, усмехнулся Андрюха. — Это в семидесятых-восьмидесятых провели пару-тройку подземных ядерных взрывов. Типа для дробления руды. И не в наших сопках, а в Хибинах. Но тогда получилось не то, на что надеялись, и это дело забросили.

— Ну, там, может, тоже было, но и у нас взрывали. Руда — это как бы так, для отмазки, если бы слухи пошли, а главное — бомбу надо было испытать. Ну и как бы под шумок — пока немцы комбинат бомбили, тут взорвали — вроде как это тоже они.

— Да екарный же бабай! — хлопнул по столу Кожухов. — Немцы комбинат не бомбили, они его для себя бергли, думали, что быстро Кольский полуостров захватят. Обстреливать с самолетов обстреливали, и по ним тоже отсюда зенитки стреляли, вот и вся бомбежка.

— Ты прям будто сам стрелял, все знаешь, — хмыкнул Васюта. — А, ну да, ты же у нас краевед.. черный копатель.

— Чего пургу гонишь? Никакой я не копатель!

— А на Рыбачий кто в начале десятых шастал? Тебя же тогда как раз Аль Капоне прозвали, а потом до Капона сократили, когда ты со старым оружием делишки мутил, пока тебя со «Шмайсером» не замели.

— Не со «Шмайсером», а с «МР 40», бестолочь! — всерьез начал злиться Андрюха. — И никуда меня не замели, я сам его сдал.

— Точно! Помню! — захохотал Вася Сидоров, и Медок грозно на него зарычал, от чего смех тут же прервался. Но ехидства в голосе у приятеля не убавилось: — Ты же с Ленкой тогда мутить начал, она тебя и заставила.

— Не мутить, а встречаться, — скрипнул зубами Капон. — И никто меня не заставлял, я сам решил с детством завязывать, серьезную жизнь начинать. Если у тебя еще память пивасом не залило, должен помнить, что я как раз тогда на комбинат устроился, а потом и на Ленке женился.

— Ненадолго той женитьбы хватило, — захихикал Васюта. — И года не прошло, как разбежались!

— А вот это не твое дело! — сдвинув брови, начал подниматься из-за стола Андрюха. Медок опять зарычал, а приятель быстро вскинул руки:

— Не мое, не мое! Я это так, сдуру ляпнул, прости. Ты лучше про взрыв тот все же дослушай. Я ведь не просто так про него начал. Когда прадеда энкавэдэшники брали, они все в доме перерыли, забрали все его дневники, записи... Но один листок залетел тогда за шкаф, и дед нашел его лет через двадцать, когда менял мебель.

— И че? — все еще сердито сопя, буркнул Капон.

— Так вот он, читай, — вынул Васюта из-за пазухи и положил на стол небольшой пожелтевший листок, заполненный ровными рукописными строчками.

Андрюха взял его и прочел следующее:

«...взрыв был страшнее, чем мы ожидали. И вовсе не внешне, не в плане материального воздействия, поскольку разрушил он не физическую сущность, а открыл тот невероятный, inferнальный, я бы сказал, ужас, от которого мы, казалось, давно избавились благодаря нашей великой революции. Самое страшное, среди нас нашлись такие, кто хотел продолжить контакты, впустить сюда эту гадину. Но нет, с царским режимом нам уж точно не по пути.

Поэтому мы взорвали смердящую точку на сопке Ньюдайвенч, путь в эту бездну отрезан».*

Капон недоуменно повертел в руках листочек. Наблюдавший за ним Васюта кивнул:

— Вот видишь.

— Вижу, — сказал Кожухов. — Долой царизм, да здравствует революция! Как там?.. Весь мир насилья мы разрушим... Короче, все теперь ясно: твой прадед кукухой поехал. — Он вернул приятелю листок и потянулся за бутылкой: — Давай лучше пиво пить.

— Вообще-то он в лагерь после этого поехал, а не в дурку, — обиделся теперь и Вася Сидоров. — Между прочим, дед разбирал потом книги прадеда, которые не конфисковали, и нашел карту наших мест, подробную, ну, знаешь, с такими еще геологи работают... Так вот, на этой сопке от руки крестиком обозначено место.

— Да мало ли что там обозначено! Сам говоришь: геологи. Может, рудную жилу нашли.

Но все же Капон, было видно, заинтересовался. Он отхлебнул пива прямо из бутылки, оставил ее, задумчиво прищурился, а потом сказал:

— Ньюдайвенч, значит? Ньюдовская гора по-нашему... А чего, давай завтра туда и прогуляемся. Там, конечно, ничего нет, все там уже хожено-перехожено, но хоть разозмнемся, воздухом подышим.

— Не, я по горам лазать не люблю! — замотал головой Васюта.

— Да какая там гора, одно название! Или ты в отказ пошел, согласился, что твой прадед с головой не дружил?

— Замолчи! — процедил, насупившись, Сидоров. — Не тебе моих предков судить! Хорошо, идем туда завтра.

* Ньюдайвенч — гора в Мурманской области к югу от города Мончегорска. Вершина расположена северо-восточнее горного хребта Мончетундры. Высота — 480 м.

И если что-нибудь найдем, ты передо мной за прадеда извинишься.

— Ладно, я и сейчас извиняюсь, — сказал Капон, видя, что приятель реально обиделся. — И правда, судить не мне. А ты молодец, что за своих заступаешься. Давай пивком все непонятки заполируем!

— Давай, — кивнул, оттаивая, Васюта. А потом снова нахмурился: — Погоди, а как мы что-то будем искать? Они ведь там все взорвали, а после этого восемьдесят лет уже прошло. Наверняка все мхом и кустами заросло. И сам говоришь, там все хожено-перехожено, значит, просто так точно ничего не видно. Надо, наверное, оборудованное какое-то специальное для поисков.

— Для начала ты карту дедовскую взять не забудь, — назидательно поднял палец Андрияха. — Ну и потом, кое-какое оборудование имеется, миноискатель у меня еще с тех пор хранится, о которых ты вспоминал, — полуостров Рыбачий, Долина Славы и все такое. А еще, как ты понимаешь, в поисках я кое-что шарю, хоть и давно этим не занимался. Так что если там что-нибудь есть, мы это найдем. Хоть я все равно в эти конспирологические тайны не верю.

— И все-таки решил пойти, — усмехнулся Вася Сидоров.

— А потому что соскучился я по всему этому, — загорелись глаза у Андрияхи. — Я ведь еще в школе, в старших классах, в «Сталкера» знаешь как рубился? И про уроки, и про сон забывал. От матери только успевал пи... пилюли ловить. И поисками после армии потому же занялся — детство в одном месте продолжало играть: Зона, аномалии, артефакты... Мы же там на самом деле словно сталкеры были, со своими группировками, за «наследия войны» как за хабар бодались.

— Я не играл, — мотнул головой Васюта. — В книжках читал только.

— Ну вот, пойдем завтра поиграем, — хлопнул его по плечу Капон. — Поищем твою аномалию.

Медок вопросительно гавкнул из своего угла.

— И тебя возьму, не переживай, — подмигнул ему хозяин. — Ты ведь у нас самый главный сталкер.

— Слушай, — подхватился Вася Сидоров. — Ну вот, допустим, мы что-то найдем... К примеру, вход в подземный бункер. Закрытый. Что будем делать? Властям сообщим?

— Вот еще! Это ведь самое интересное! Все, что закрыто, откроем. Что не открывается — взломаем!

— А ты умеешь? — засомневался Васюта. — Ну, это... взламывать?..

Капон залихватски ударил себя в грудь кулаком:

— Да я в душе прирожденный взломщик! Веришь?

Глава 1

Заполярное лето Лом не любил. Основная работа делается ночью, а что это за ночь, когда светло, будто днем? Ладно еще, если небо тучами затянуто, вот как сейчас. На монотонный нудный дождик внимания можно не обращать, он даже помогает — охранникам не очень-то хочется мокнуть. Вот они, вместо того чтобы делать обход каждые пятнадцать минут, лично проверяя замки основного и запасных входов, хорошо если за час задницу с мягкого кресла поднимут. Да и зачем, если на обзорных экранах все хорошо видно? О том, что найдутся умельцы, которым любую систему наблюдения в инвалида по зрению превратить раз плюнуть, охранникам думать не хочется. А даже если эта система вдруг по какой-то причине забарахлит, то ведь на всех дверях установлен довоенный еще электронный запор. Модель «Твердыня», быстро переименованная в «Дыню», сделанная лучшими когда-то в мире электронных дел российскими мастерами, надежней только намертво дверь приварить. Во всем Романове-на-Мурмане* таких теперь и двух десятков не наберется. Степень защищенности от взлома — почти сто процентов. Но в том-то и дело, что почти, а не сто. Недаром говорят: против лома нет приема. Так это про глупую железяку поговорка, а когда за дело берется тот Лом, у которого и голова, и руки на месте...

Собственно, его из-за этой присказки Ломом и прозвали. Ну не было на свете такой электронной системы, которую бы он, как стекляшку, не видел насквозь. Ему даже думать не приходилось, какой проводок куда ведет,

* В нашей реальности — название города Мурманска до 1917 года; в реальности Лома — и по сей день.

какая микросхема за что отвечает, у какого триггера состояние «ноль», а у какого «единица». Лом это просто знал — и все. Такая вот у него имелась особенность. Причем имелась всегда, с самого рождения. Результат мутаций. Чаще они людям что-то ненужное дарят (лишнюю ногу, например) или нужное отнимают (опять же, к слову, ногу), а вот ничем не примечательному романовцу было сделано исключение в виде чрезвычайно полезного дара. И даже не одного, а двух: еще Лом мог на расстоянии улавливать ментальную энергию. Нет, мысли он читать не умел, а вот чувствовать, что сажень* за тридцать чьи-то мозги работают, — запросто. Правда, существо должно быть хотя бы мало-мальски разумным. Тупой деградировавший алкаш, отдыхающий в помойной луже, фонил из-за двух подворотен, а соседская собака — умнейшая овчарка Альма, — стоя в одном аршине** от него, не вызвала в мозгу Лома даже малейшей щекотки. Обидно и несправедливо, но это было единственным недостатком второго мутационного дара.

Сейчас Лому пригодились оба: один предупреждал, что можно спокойно работать, поблизости никого; второй помог сначала зациклить картинку видеосистемы, а теперь неспешно изучать «Дыньку». Торопиться Лом не любил, к делу всегда подходил серьезно и вдумчиво. Впрочем, цель на сей раз тоже была нешуточной — не бакалейную лавку вскрывал, а банк самих братьев Репкиных — первейших на Мурмане куркулей. Ничего, думал Лом, справимся. Надеялись, как в сказке про репку: тянут-потянут, вытянуть не могут? А как насчет мышки, которая ломиком махнула?.. Или это уже из другой сказки? Ну да без разницы, говорено ведь уже: против Лома нет приема.

* Сажень — дореволюционная мера длины в России, приблизительно 2,13 м.

** Аршин — дореволюционная мера длины в России, равная 71,12 см.

Схема электронного запора полностью прояснилась и отпечаталась в голове во всех нужных проекциях. Осталось подключить умную «игрушку», чтобы замкнуть вот этот контакт с этим, и...

* * *

Ментальный сигнал шарахнул по мозгам так, что в глазах у взломщика потемнело. Он-то настраивался на мыслительное излучение за десятки саженей, а тут жажнуло рядом, вплотную. Все равно что прислушиваться к далекому пиликанию флейты, а тебе прямо в ухо гуднет саксофон.

«Щелк-щелк», — Лом не успел и дернуться, как на руках оказались наручники. Странно, но первой мыслью было, как бы не уронить «игрушку». На хитроумную приблуду ушло много времени и сил, жалко было бы ее потерять. Хотя... А пригодится ли она ему теперь?

Только сейчас Лом удосужился поднять глаза и посмотреть на того, кто сумел застать его врасплох. Впервые в жизни, к стати. И совершенно непонятно как.

Рядом стоял строгий, подтянутый мужчина в стандартной военизированной форме защитного цвета без знаков различия, которую носили все подряд — от сторожей булочных до наемных убийц. Только Лом нутром чувал: этот крепыш ростом едва ли не в сажень к охране банка не имел никакого отношения. Однако род занятий незнакомца пока волновал взломщика мало. Интересней было другое.

— Как? — спросил Лом.

— Расчет последовательности действий с безопасного расстояния, — четко, без эмоций, заговорил мужчина, — запись их алгоритма в оперативную память, временное отключение интеллектуального модуля.

— Ага... — Других слов у Лома не нашлось. Но это лишь в первые секунды. Сообразил он все-таки быстро: — Кибер?